

С.В. Бершадская*

ПРОБЛЕМА «РЕЦИДИВА НЕГРАМОТНОСТИ» СРЕДИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е гг.

Статья посвящена проблеме «рецидива неграмотности» среди взрослого населения Енисейской губернии в 1920-е гг. Опираясь на архивные данные и материалы региональной периодической печати, автор анализирует причины этого явления и способы его преодоления, предлагавшиеся представителями местных органов власти и педагогического сообщества.

Ключевые слова: Енисейская губерния, образовательный ландшафт, ликвидация неграмотности, рецидив неграмотности

The problem of «relapse into illiteracy» among the adult population of the Yeniseysk Governorate in the 1920s. SVETLANA V. BERSHADSKAYA (Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia)

The article is devoted to the problem of «relapse into illiteracy» among the adult population of the Yeniseysk Governorate in the 1920s. Using archival materials and regional periodical press, the author analyzes the causes of this phenomenon and the ways to overcome it as they were seen by the representatives of local authorities and the teaching community.

Keywords: Yeniseysk Governorate, educational landscape, eradication of illiteracy, relapse into illiteracy

Вопросы, связанные с проведением кампании по ликвидации неграмотности в 1920-е гг., продолжают оставаться важной темой научных исследований. Отмечая сложности организации и проведения кампании, ученые рассматривают данный комплекс мероприятий как один из наиболее масштабных социальных проектов советского государства [3; 22; 25], важнейший фактор социокультурных изменений [2; 4; 9; 16; 20], своего рода социальный лифт в динамике городского и сельского социума провинциальных территорий [5; 10; 21]. Анализируя данный феномен в локальных условиях Сибири, исследователи отмечают «беспрецедентность» масшта-

бов кампании по ликвидации неграмотности [26, с. 193], рассматривают роль просветительных учреждений в изменении «мировоззрения и мироощущения взрослых людей, ранее лишенных возможности учиться грамоте» [6, с. 80]. Исследуя данный комплекс мероприятий как фактор культурно-исторической модернизации сибирского социума, помимо традиционных финансовых сложностей и проблем, связанных с низким уровнем профессиональной подготовки педагогических кадров, занятых в системе ликбеза, авторы отмечают трудности социально-психологического характера [13], выявляют в т.ч. причины оттока обучавшихся в системе

* БЕРШАДСКАЯ Светлана Вячеславовна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Юридического института Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск, Россия, bsv97@yandex.ru

© Бершадская С.В., 2024

ликбеза, к которым относят слабую личную мотивацию к обучению, дискомфорт, который взрослые ощущали при обучении в смешанных разновозрастных группах [11]. Таким образом, историография проблемы является довольно обширной. Однако вопросы, связанные с проведением комплекса мероприятий, нацеленных на преодоление «рецидива неграмотности» в означенных хронологических рамках, рассмотрены фрагментарно. Кроме того, изучение данной темы в историческом аспекте актуализируется и интенсификацией исследований, связанных с проблемами сохранения практических когнитивных навыков и формирования аксиологического эталона [7; 24].

В одном из номеров газеты «Красноярский рабочий» за 1924 г. писали: «Ликвидация неграмотности – не простая выучка технике чтения, беглому переводу значков на бумагу, а осмысление прочитанного. Задачи ликвидации неграмотности – не только научить читать, но и осмысливать прочитанное... Сейчас ликвидация неграмотности понимается как система углубления тех политических, экономических и математических сведений, которые каждый неграмотный усвоил из жизни... Она – путь к дальнейшему самообразованию, которое ведется в рабочих клубах и деревенских избах-читальнях» [12]. Содержание заметки весьма показательно для информационного пространства региональной прессы и может рассматриваться как свидетельство смещения акцентов в кампании по ликвидации неграмотности в локальных условиях Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг.

Кампания по ликвидации неграмотности на территории Енисейской губернии началась в январе 1920 г. сразу после восстановления советской власти. Успехи 1920–1921 учебного года в плане количества прошедших обучение в пунктах по ликвидации неграмотности (ликпунктах) были впечатляющими. В течение первого года ликвидационной кампании в ликпунктах занималось 14,8% от общего числа неграмотных жителей губернии. Несмотря на значительное снижение количества ликпунктов в 1922 г. – с 622 [1] до 101 (Государственный архив Красноярского края, далее – ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 160. Л. 15), работы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения губернии продолжились. За 1923–1924 учебный год в ликпунктах прошли обучение 10 394 жителя, в основном горожане (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 133).

Важным фактором количественного успеха в означенный период было то, что понятие «грамотный» продолжало сохранять все оттенки «старого содержания». В общественном сознании сибиряков грамотным человеком виделся тот, кто мог «расписаться, прочитать две-три строчки печатного и письменного шрифта» [18, с. 3], а сама грамота нужна была лишь для того, чтобы быть грамотным вообще. Газета «Красноярский рабочий» приводила ответ одного из учеников школы для малограмотных и неграмотных рабочих, открытой при местной фабрике «Спартак»: «Хорошо, когда грамоту знаешь. А то живешь, как будто и не человек. Научишься, и в голове будет светлее» [19].

Другим фактором количественного успеха стала длительность обучения в ликпунктах. Так, выступая с отчетом о состоянии народного образования в губернии на IV Енисейском губернском съезде советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, состоявшемся в декабре 1922 г., заведующий губернского отдела народного образования (далее – ГубОНО) М.Е. Золотарев напрямую связывал успехи в плане количества обученных с краткосрочностью курсов, работа которых была рассчитана на срок от 2 до 3 месяцев [8, с. 7]. Однако уже в 1926 г. на одном из заседаний секции неграмотных и малограмотных Енисейского ГубОНО срок обучения в ликпунктах от 3 до 4 месяцев (при трехчасовой продолжительности занятий) рассматривался как «слишком короткий» для того, чтобы научить взрослых людей «расписаться, прочитать две-три строчки печатного и письменного шрифта», и как одна из основных причин «рецидива неграмотности» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 51). Таким образом, признавая очевидные количественные успехи кампании по ликвидации неграмотности, представители педагогической общественности и органов местной власти начинают выражать серьезную озабоченность в отношении не только качества подготовки выпускников ликпунктов, но и многочисленных фактов утраты базовых навыков чтения и письма лицами, прошедшими обучение на ликпунктах.

На официальном уровне зазвучали претензии к методам работы образовательных учреждений и содержанию учебного материала. Глава Енисейского ГубОНО высказывал упрек в адрес «культпросветов», которые вместо организации просветительных мероприятий «занимались танцульками» [8, с. 7]. В.А. Пупышев, один из

первых советских специалистов по методике обучения взрослых и автор первого сибирского букваря для взрослых «Наша сила – Советы» [23], указывал на несоответствие учебных материалов, которыми пользовалась на ликпунктах, новым социально-политическим и культурным установкам. «В самом деле, – писал он на страницах «Сибирского педагогического журнала, – «для того чтобы научиться читать, не все ли равно, читать, скажем, “Азбуку коммунизма” Бухарина, или “Евангелие”. И в том и в другом случае мы получим один и тот же результат – умение читать» [18, с. 3].

Представители местного педагогического сообщества также прилагали усилия к выявлению причин «рецидива неграмотности». Так, на одном из заседаний секции по ликвидации неграмотности при Енисейском ГубОНО отмечалось, что «рецидив неграмотности» особенно коснулся тех лиц, которые «живут на околотках и заимках, где возможность получить и прочесть газету отсутствует и где нет какого-либо культурно-просветительского учреждения» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 49). В результате «вновь испеченные грамотеи, не находя применение приобретенных навыков в своей повседневной практической жизни, ... быстро забывали ее и возвращались в первобытное состояние» [18, с. 4]. Таким образом, условия повседневной жизни жителей сибирской провинции, в которых знания, полученные на занятиях в ликпунктах, не всегда находили практическое применение, рассматривались как одна из основных причин рецидива. Помимо социально-экономических факторов утраты едва сформированных практических когнитивных навыков отмечались и социально-психологические. Во-первых, среди окончивших ликпункты были «лица с разными способностями и запросами». Во-вторых, ликвидация малограмотности не являлась «обязательной» и, соответственно, не могла «проводиться в порядке принуждения» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 216. Л. 13–14). Кроме того, люди нередко приходили учиться в ликпунктах «для того, чтобы попасть в список грамотных» [18, с. 3].

Несмотря на значительный объем статистических данных о ходе кампании по ликвидации неграмотности на территории Енисейской губернии, число получивших «рецидив неграмотности» не везде и не всегда поддавалось учету. На общесибирских материалах исследователи оценивают рецидив неграмотности сре-

ди прошедших обучение в ликпунктах в 50% [13, с. 143]. В локальных условиях Енисейской губернии представление о масштабе явления дают материалы доклада «Рецидив и борьба с рецидивом неграмотности» ликвидатора тов. Чайковской, прозвучавшего 21 апреля 1926 г. на заседании объединенной секции неграмотных и малограмотных Енисейского ГубОНО. Статистическую основу доклада составили данные опроса 15 человек – «бывших ликбезников», представителей разных социальных групп городского населения: «членов профсоюзов, иждивенников, членов клубов, членов женотделов, членов ВЛКСМ», вынужденных повторять курс обучения на ликпункте. В своем выступлении на заседании секции Чайковская отметила, что рецидив неграмотности «получили» 10 человек из 15 опрошенных. В половине случаев рецидив неграмотности коснулся в первую очередь базовых навыков чтения и письма. В момент проведения опроса степень их сохранности определялась следующим образом: обратившимся на ликпункт жителям предлагалось прочесть текст из букваря, написать свою фамилию и свой адрес. «И вот здесь то или совершенно отказывались читать, мотивируя свой отказ тем, что забыли буквы, или же читали с большим трудом. И в письме многие забыли, как писать буквы», – утверждала в своем выступлении Чайковская (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 49).

На территории Енисейской губернии первые т.н. «двухгрупповые» школы для взрослых обучающихся – с одной группой для неграмотных и одной для малограмотных – были организованы уже в 1922 г. В период с 1 июня 1924 г. по 1 января 1925 г. в административном центре губернии Красноярске при двух школах для взрослых была организована работа четырех групп малограмотных, в которых обучалось почти 500 человек и работало восемь учителей. Была организована работа пяти школ для малограмотных членов профсоюзов, в которых проходили обучение 817 человек (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 142). В 1925 г. в городе работало семь школ малограмотных и одна школа работала в Красноярском уезде, из них только три школы были приняты на бюджет. В уездном городе Минусинске было 4 школы (в уезде – 13), в Ачинске – 1 (в уезде – 3), в Канске – 1, из них на бюджет было принято по одной школе в каждом уезде (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 334. Л. 13).

Кроме того, органами местной власти были также даны директивы о включении в план работ политикопросветительных учреждений Енисейской губернии комплекса специализированных мероприятий по работе среди малограмотных взрослых жителей губернии. В рабочие клубы были отправлены рекомендации об организации для научившихся читать и писать выпускников ликпунктов «возможности продолжить образование» посредством «втягивания их в клубную работу». Для «надлежащей постановки работы» с малограмотными Губполитпросвет и Культотдел Г.С.П.С. предложили следующий ряд мер: «1) выделить в каждом клубе и Красном уголке для работы с малограмотными ответственного товарища, достаточно подготовленного в данной работе, и фамилию его сообщить в губполитпросвет; 2) выделенному товарищу поручить организацию при клубе кружка малограмотных и ведение занятий в кружке; 3) отвести для занятий кружка подходящее помещение в клубе, достаточно освещенное и отопленное, с необходимыми стульями и столами» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 234. Л. 34). Также в план работ не только рабочих клубов, но и библиотек было рекомендовано ввести устройство «воскресных эпизодических громких чтений» газет и художественных произведений на «социальные темы» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 216. Л. 13–14). По мнению представителей местного губполитпросвета, опыт проведения коллективных чтений в г. Красноярске не удался, в основном в связи с отсутствием «книг для чтения после букваря», специальной учебной литературы, приспособленной к интересам и психологии взрослых (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 90. Л. 144). Тем не менее, в информационном пространстве местной прессы озвучивалось мнение, что «коллективное чтение, судя по началу», давало «хорошие результаты» [14], возможно, благодаря учету регионального компонента в организации учебного процесса. Так, например, «громкое чтение» рассказа сибирской писательницы Сейфуллиной «Правонарушители» в библиотеке одного из рабочих клубов Красноярска предоставило возможность газете транслировать «вывод» слушателя в пользу «продолжения громких чтений»: «Ну и ловко пишет. Хоть раньше я и сам читал этот рассказ по складам, да не произвел никакого впечатления. Каждому стало понятно значение художественного громкого чтения» [17].

О необходимости опираться в своей работе на культурно-досуговые учреждения для создания условий сохранения практических когнитивных навыков говорила и педагогическая общественность Енисейской губернии. Прежде всего речь шла о том, что «организованное посещение обучающимися докладов, лекций, спектаклей и разбор на занятиях содержания – ... дает возможность приблизить учащихся к клубам и выработать у них любовь к ним». В роли дополнительной возможности поддержания навыков рассматривалось участие обучающихся на ликпунктах в работе библиотек и читален, «при обязательном участии ликвидатора, который поможет найти им (окончившим ликпункт. – прим. авт.) подходящую литературу. Такое заблаговременное втягивание ликбезников в библиотеки поможет им связаться с ней навсегда, что особенно важно в борьбе с рецидивом» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 51).

Решение проблемы «рецидива неграмотности» местная педагогическая общественность видела также в организации работ в следующих направлениях. Во-первых, педагоги настаивали на необходимости сознательного привлечения к обучению в ликпункте, поскольку «насильственное привлечение нецелесообразно», т.к. в этом случае «неграмотные посещают ликпункт ради времяпровождения, этим самым содействуют рецидиву: учащиеся ограничивают свою работу ликпунктом, дальше которого они не идут». Во-вторых, педагоги обращали внимание на необходимость учета психологических особенностей взрослых обучающихся, создание заинтересованности. В-третьих, педагоги настойчиво рекомендовали учитывать бедственное финансовое положение жителей губернии и не предлагать занимавшимся в ликпунктах покупать на собственные средства учебники и письменные принадлежности, т.к. это «вызывает у них отрицательное отношение к ликпункту». И наконец, в качестве важного условия успеха кампании по борьбе с «рецидивом неграмотности» рассматривалась и «хорошая обстановка на ликпунктах», «душою» которых должен был стать «ликвидатор», а также оформление помещений для занятий «соответствующим образом», например, плакатами, чтобы учебное помещение «не только привлекало учащихся, но являлось местом отдыха» (ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 306. Л. 51–52).

Таким образом, с точки зрения борьбы с «рецидивом неграмотности» в качестве основных

тенденций изменения образовательного ландшафта Енисейской губернии в 1920-е гг. можно выделить пересмотр взглядов на наполняемость учебного процесса, создание специальных организационно-педагогических условий сохранения базовых навыков чтения и письма, внедрение в образовательный процесс особых организационных форм обучения для взрослого населения. Совпадение интересов представителей местных органов власти и педагогической общественности способствовало организации комфортной и творческой образовательной среды, благодаря которой местные педагоги могли «заинтересовать учеников, несмотря на усталость их после рабочего дня», стимулировать «охотное» и «аккуратное» посещение занятий [15], что не могло не содействовать формированию нового аксиологического эталона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бершадская С.В. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения Енисейской губернии в 1920–1921 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 206–217.
2. Волков О.И. Организация общества «Долой неграмотность» в Туле и его деятельность в 1920-е гг. // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2019. № 4. С. 35–41. URL: history2014.esrae.ru/25-240
3. Глущенко И.В. Советский просветительский проект: ликвидация неграмотности среди взрослых в 1920–1930-е годы // Вопросы образования. 2015. № 3. С. 246–282.
4. Данилова О.Г. Деятельность общества «Долой неграмотность» в Псковской губернии 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8. Ч. 1. С. 74–77.
5. Доржу З.Ю., Очур Н.М. Роль образования в изменении положения женщин в Тувинской народной республике // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 106–114.
6. Ермачкова Е.П. Формирование системы советского народного образования на юге Тюменской губернии // Интеграция образования. 2015. Т. 19. № 1. С. 74–81.
7. Жданова О.Н. и др. Выживаемость знаний у студентов 6 курса по терапии в условиях дистанционного обучения // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2022. Т. 21. № S3. С. 8–16.
8. Золотарев М. Третий фронт. Отчет о состоянии народного образования в Енисейской губернии IV-му губсъезду Советов. Красноярск, 1922.
9. Ильин Ю.А. Проблемы становления системы народного образования Иваново-Вознесенской губернии в конце Гражданской войны и на начальном этапе НЭПа (по материалам газеты «Рабочий край» 1921–1922 гг.) // Интеллигенция и мир. 2021. № 2. С. 9–27.
10. Липатова Н.В. Политический ликбез как пропуск в ряды кадрового резерва советского руководства на местах в 20-е гг. XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. № 2. Ч. 2. С. 85–91.
11. Мороз А.И., Алиев Р.Т. Проблемы ликвидации неграмотности в восточном Забайкалье в 1920-е гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 4. С. 22–29.
12. Н. Не просто читать и писать, а осмысливать прочитанное // Красноярский рабочий. 1924. № 278. С. 5.
13. Номогоева В.В., Иванова Л.Б. Ликвидация неграмотности: опыт культурно-исторической модернизации в Бурятии в 1920–1930-е гг. // V Центральноазиатские исторические чтения: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Кызыл, 9–10 июня 2022 г.). Кызыл: Издательство ТувГУ, 2022. С. 140–145.
14. О.К. Культурная работа у водников // Красноярский рабочий. 1923. № 279. С. 3.
15. Парткор С.К. Бьем неграмотность // Красноярский рабочий. 1924. № 4. С. 3.
16. Петрич Л.В. Особенности ликвидации неграмотности среди сельского населения Оренбуржья (1920–1930-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 469. С. 175–182.
17. По клубам и красным уголкам // Красноярский рабочий. 1924. № 288. С. 4.
18. Пупышев В. Пять лет борьбы // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 1. С. 3–6.
19. Рабкор К. Учатся грамоте // Красноярский рабочий. 1924. № 296. С. 6.
20. Семенова И.Ю. Решение проблем неграмотности и укрепления семьи в первые годы советской власти: деятельность ячейки всероссийского общества «Долой неграмотность» в Чувашской АССР // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1. С. 61–68.

21. Соболева А.Н., Хомяков С.В. «Раскрепощение националки»: работа с женским населением Бурят-Монголии в 1920-е гг. // Манускрипт. 2018. № 12. Ч. 2. С. 268–271.

22. Соболева А.Н., Хомяков С.В. Проблемы ликвидации неграмотности взрослого населения в Бурят-Монгольской АССР в 1920–1930-е гг. // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 11. С. 2277–2281.

23. Учитель, просветитель, краевед // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/content/uchitel-prosvetitel-kraeved>

24. Чанчаева Е.А. и др. Сравнительный анализ эффективности обучения по естественнонаучным дисциплинам при дистанционном и традиционном формате // Science for Education Today. 2022. Т. 12. № 3. С. 149–168.

25. Fitzpatrick, S., 2014. Popular opinion under communist regimes. In: Smith, S.A. ed., 2014. The Oxford handbook of the history of communism. Oxford: Oxford University Press, pp. 371–386.

26. Wood, A., 2011. Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London: Bloomsbury.

REFERENCES

1. Bershadskaya, S.V., 2023. Likvidatsiya negramotnosti sredi vzroslogo naseleniya Eniseiskoi gubernii v 1920–1921 gg. [Eradication of illiteracy among the adult population of the Yeniseysk Governorate in 1920–1921], Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal, no. 2, pp. 206–217. (in Russ.)

2. Volkov, O.I., 2019. Organizatsiya obshchestva «Doloi negramotnost'» v Tule i ego deyatelnost' v 1920-e gg. [Organization of the Down with illiteracy society in Tula and its activities in the 1920s], Istoriya. Istoriki. Istochniki: elektronnyi nauchnyi zhurnal, no. 4, pp. 35–41. URL: history2014.esrae.ru/25-240 (in Russ.)

3. Glushchenko, I.V., 2015. Sovetskii prosvetitel'skii proekt: likvidatsiya negramotnosti sredi vzroslykh v 1920–1930-e gody [Soviet educational project: eradicating illiteracy among adults in the 1920 and 1930s], Voprosy obrazovaniya, no. 3, pp. 246–282. (in Russ.)

4. Danilova, O.G., 2011. Deyatelnost' obshchestva «Doloi negramotnost'» v Pskovskoi gubernii 1920-kh gg. [Activities of the Down with illiteracy society in the Pskov Governorate in the 1920s], Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya

i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, no. 8, part 1, pp. 74–77. (in Russ.)

5. Dorzhu, Z.Yu. and Ochur, N.M., 2018. Rol' obrazovaniya v izmenenii polozheniya zhenshchin v Tuvinskoj narodnoj respublike [The role of education in the transformation of the status of women in the Tuvan People's Republic], Zhenshchina v rossiiskom obshchestve, no. 1, pp. 106–114. (in Russ.)

6. Ermachkova, E.P., 2015. Formirovanie sistemy sovetskogo narodnogo obrazovaniya na yuge Tyumenskoi gubernii [The making of the Soviet public education system in the south of the Tyumen Governorate], Integratsiya obrazovaniya, Vol. 19, no. 1, pp. 74–81. (in Russ.)

7. Zhdanova, O.N. et al., 2022. Vyzhivaemost' znaniy u studentov 6 kursa po terapii v usloviyakh distantsionnogo obucheniya [Knowledge retention among six-year students in internal medicine in the context of distance learning], Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika, Vol. 21, no. S3, pp. 8–16. (in Russ.)

8. Zolotarev, M., 1922. Tretii front. Otchet o sostoyanii narodnogo obrazovaniya v Eniseiskoi gubernii IV-mu gubs'ezdu Sovetov [The third front. Report on the state of public education in the Yeniseysk Governorate to the IVth Governorate Congress of the Soviets]. Krasnoyarsk. (in Russ.)

9. Il'in, Yu.A., 2021. Problemy stanovleniya sistemy narodnogo obrazovaniya Ivanovo-Voznesenskoi gubernii v kontse Grazhdanskoi voyny i na nachal'nom etape NEPa (po materialam gazety «Rabochii krai» 1921–1922 gg.) [The making of public education system of the Ivanovo-Voznesensk Governorate at the end of the Civil War and at the initial stage of the NEP (based on the data from «Rabochii krai» newspaper of 1921–1922)], Intelligentsiya i mir, no. 2, pp. 9–27. (in Russ.)

10. Lipatova, N.V., 2012. Politicheskii likbez kak propusk v ryady kadrovogo rezerva sovetskogo rukovodstva na mestakh v 20-e gg. XX v. [Political literacy campaign as an admission to personnel reserves of the local Soviet government in the 1920s], Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie, no. 2, part 2, pp. 85–91. (in Russ.)

11. Moroz, A.I. and Aliev, R.T., 2020. Problemy likvidatsii negramotnosti v vostochnom Zabaikal'e v 1920-e gg. [The issues of eradicating illiteracy in eastern Transbaikalia in the 1920s], Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura, no. 4, pp. 22–29. (in Russ.)

12. N., 1924. Ne prosto chitat' i pisat', a osmyslivat' pročitannoe [Not just read and write, but understand what is read], Krasnoyarskii rabochii, no. 278, p. 5. (in Russ.)

13. Nomogoeva, V.V. and Ivanova, L.B., 2022. Likvidatsiya negramotnosti: opyt kul'turno-istoricheskoi modernizatsii v Buryatii v 1920–1930-e gg. [Eradication of illiteracy: the case of cultural and historical modernization in Buryatia in the 1920s and 1930s]. In: V Tsentral'noaziatskie istoricheskie chteniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Kyzyl, 9–10 iyunya 2022 g.). Kyzyl: Izdatel'stvo TuvGU, 2022, pp. 140–145. (in Russ.)

14. O.K., 1923. Kul'trabota u vodnikov [Cultural initiatives among water transport workers], Krasnoyarskii rabochii, no. 279, p. 3. (in Russ.)

15. Partkor S.K., 1924. B'em negramotnost' [We fight with illiteracy], Krasnoyarskii rabochii, no. 4, p. 3. (in Russ.)

16. Petrich, L.V., 2021. Osobennosti likvidatsii negramotnosti sredi sel'skogo naseleniya Orenburzh'ya (1920–1930-e gg.) [The features of eradicating illiteracy among the rural population of the Orenburg region in the 1920s and 1930s], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 469, pp. 175–182. (in Russ.)

17. Po klubam i krasnym ugolkam [At clubs and red corners], Krasnoyarskii rabochii, 1924, no. 288, p. 4. (in Russ.)

18. Pupyshchev, V., 1925, Pyat' let bor'by [Five years of struggle], Sibirskii pedagogicheskii zhurnal, no. 1, pp. 3–6. (in Russ.)

19. Rabkor K., 1924. Uchatsya gramote [Learning to read and write], Krasnoyarskii rabochii, no. 296, p. 6. (in Russ.)

20. Semenova, I.Yu., 2021. Reshenie problem negramotnosti i ukrepleniya sem'i v pervye gody sovetskoj vlasti: deyatel'nost' yacheiki vs Rossijskogo obshchestva «Doloi negramotnost'» v Chuvashskoi ASSR [Solving the problems of

illiteracy and strengthening the family during the first years of Soviet power: the activities of the all-Russian Down with illiteracy society in the Chuvash ASSR], Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya, no. 1, pp. 61–68. (in Russ.)

21. Soboleva, A.N. and Khomyakov, S.V., 2018. «Raskreposhchenie natsionalki»: rabota s zhenskimi naseleniyami Buryat-Mongolii v 1920-e gg. [«Liberation of an aboriginal woman»: work with female population of Buryat-Mongolia in the 1920s], Manuskript, no. 12, part 2, pp. 268–271. (in Russ.)

22. Soboleva, A.N. and Khomyakov, S.V., 2021. Problemy likvidatsii negramotnosti vzroslogo naseleniya v Buryat-Mongol'skoi ASSR v 1920–1930-e gg. [The issues of eradicating illiteracy among the adult population of Buryat-Mongol ASSR in the 1920 and 1930s], Manuskript, Vol. 14, no. 11, pp. 2277–2281. (in Russ.)

23. Uchitel', prosvetitel', kraeved [Teacher, educator, local historian]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/uchitel-prosvetitel-kraeved> (in Russ.)

24. Chanchaeva, E.A. et al., 2022. Sravnitel'nyi analiz effektivnosti obucheniya po estestvennonauchnym distsiplinam pri distantsionnom i traditsionnom formate [The effectiveness of distance and traditional teaching natural sciences: a comparative analysis], Science for Education Today, Vol. 12, no. 3, pp. 149–168. (in Russ.)

25. Fitzpatrick, S., 2014. Popular opinion under communist regimes. In: Smith, S.A. ed., 2014. The Oxford handbook of the history of communism. Oxford: Oxford University Press, pp. 371–386.

26. Wood, A., 2011. Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. London: Bloomsbury.

*Статья поступила в редакцию 07.08.2024;
рекомендована к печати 23.08.2024*

